

6. «Опыт о даре»: судьба и перспектива

Выше подчеркивалось, что Мосс оказал значительное влияние на судьбы социальных наук во Франции как своими концепциями, так и преподавательской деятельностью. Воздействие его идей и преподавания сказалось на различных отраслях общественной науки: этнологии, фольклористике, индологии, исторической психологии и т. д. Его учениками были такие известные ученые, как Р. Кайуа, С. Чарновски, Л. Дюмон, М. Гриоль, Р. Монье, А. Вараньяк, Д. Польм, Ж. П. Вернан. В области же общей теории, и прежде всего в «Опыте о даре», в его творчестве черпали вдохновение главным образом два крупнейших представителя французского «постсоциологизма»: социолог Георгий (Жорж) Гурвич и этнолог Клод Леви-Стросс.

Первого из них интересует главным образом постановка Моссом проблемы «тотальных социальных фактов», именно в том их аспекте, который выражает полноту свойств явлений, изучаемых социологией. Гурвич соединил идею «тотального социального факта» Мосса с представлением о гештальте, развитым в психологии В. Кёлером и К. Левиним. С его точки зрения, понятие «тотальности» выражает тот факт, что социальные явления выходят за рамки структурных, охватывают всю совокупность свойств объекта, включая его бесструктурные и динамические аспекты, ведущие его к разложению. Отправляясь от идей Мосса, Гурвич определяет социологию как «науку, которая изучает тотальные социальные явления в совокупности их аспектов и их движения, заключая их в диалектизированные микросоциальные и глобальные типы, в процессе их становления и разрушения»[117].

Подобно основателю структурализма в лингвистике Ф. де Соссюру, Мосс не склонен пользоваться понятием «структура». В одном месте он даже извиняется за его употребление, по-видимому, считая его устаревшим; смысл, который он вкладывает в этот термин, является чисто социально-морфологическим (т. е. в его понимании экологодемографическим)[118], что коренным образом отличается от понимания структуры в структурализме.

Тем не менее, некоторые идеи Мосса давали основания для интерпретации их в духе структурализма, которую осуществил Леви-Стросс. Выше говорилось о том, что Мосс, как и другие представители французского «социологизма», трактует социальную реальность как царство детерминизма, исходя из ее включенности в природное бытие. Но в то же время, в рамках определенной детерминации она для него является сферой случайного и произвольного. Он пишет: «Все социальные явления представляют собой в некоторой степени продукт коллективной воли, а кто говорит о человеческой воле, тот говорит о выборе между различными возможностями». И далее: «Область социального — это область модальности»[119]. В данном отношении существенно то, что сочетание фундаментального

детерминизма с определенным «волюнтаризмом» у Мосса (хотя и далеко не ему одному свойственное) предваряет вычленение Леви-Строссом абстрактной инвариантной структуры с совокупностью базирующихся на ней различных конкретных вариантов. Внимание к явлениям «коллективного бессознательного», к символическому аспекту социальной жизни (хотя Леви-Стросс и не согласен с трактовкой символизма у Дюркгейма и Мосса), указание на роль лингвистики как образца для социологии[120] — все эти моменты у Мосса впоследствии были восприняты структурализмом. Постулируемый структурализмом примат отношений над элементами созвучен идее «тотальных социальных фактов». Но при интерпретации этой идеи Леви-Строссом все же явно видно наложение его собственной концепции на тезисы Мосса. «Итак, тотальный социальный факт имеет трехмерный характер, — пишет Леви-Стросс. — Он предполагает совпадение собственно социологического измерения с его многочисленными синхроническими аспектами; историческое или диахроническое измерение; и, наконец, психофизиологическое измерение»[121]. Данная интерпретация выдержана в чисто структуралистском духе; эти моменты можно найти у Леви-Стросса, но не у Мосса. Можно сделать вывод, что определенная связь между структурализмом и «социологизмом» Мосса существует, но она не столь тесна, как это выглядит у Леви-Стросса.

Концепции Мосса не всегда содержат в себе те положения, которые видят в них Гурвич и Леви-Стросс. Их интерпретации либо неполны, либо проецируют их собственные концепции на концепции Мосса. Истоки этого кроются опять-таки в многозначности, фрагментарности, незавершенности его научного наследия. Характерно в этом отношении, что столь различные теории проистекают, по крайней мере по заявлениям их авторов (резко полемизировавших между собой), из одного и того же источника. В принципе можно представить себе и другие теоретические следствия концепций Мосса.

Но дело еще и в идейной атмосфере во Франции после Второй мировой войны. Французская социологическая школа к этому времени прекратила свое существование. Интерпретации Гурвича и Леви-Стросса были призваны найти в лице Мосса теоретического предтечу. Как явствует из вышеизложенного, «социологизм» последнего был более «гибким» и «открытым», чем «социологизм» Дюркгейма, что могло привлечь больше сторонников в идейных конфронтациях с экзистенциализмом, переживавшим в то время подъем во Франции. В тех условиях для представителей «постсоциологизма», пришедшего на смену дюркгеймовскому «социологизму», Мосс был более приемлемой фигурой, чем его учитель.

Важное научное значение исследования Мосса связано с тем, что он одним из первых проанализировал обмен как явление не только экономическое, но и универсальное, охватывающее самые различные аспекты социального взаимодействия и культуры. На огромном фактическом материале французский ученый показал специфику обмена в обществах, где отсутствуют или находятся в неразвитом состоянии товарно-денежные отношения. Вывод о том, что обмен в его ранних формах — явление гораздо более широкое и многозначное, чем экономическая сделка, нашел подтверждение и в других работах, в том числе отечественных[122].

Идеи Мосса относительно роли дара как формы обмена в дальнейшем были развиты и подтверждены новыми фактами в исследованиях лингвистов, историков, этнографов,

социологов и социальных психологов[123].

В ходе последующего развития социальной науки идеи Мосса относительно обмена нашли отражение и признание главным образом в трех научных дисциплинах: социальной антропологии, социологии и экономической антропологии.

Наряду с Дж. Фрэзером и Б. Малиновским Мосс рассматривается как один из родоначальников теории обмена в социальной антропологии. В противовес «индивидуалистической» утилитаристской концепции его концепция, обосновывающая решающую роль социальных норм и институтов, характеризуется как начало «коллективистской» традиции в социально-антропологической теории обмена[124]. Наибольшее влияние в этой традиции Мосс оказал на исследования К. Леви-Стросса, о чем отчасти уже говорилось. Для Леви-Стросса обмен выступает как фундаментальное социальное отношение, определяющее и объясняющее самые различные виды социальных связей. В частности, обмен женщинами, которому Мосс придавал особое значение, составляет, согласно Леви-Строссу, основное отношение, объясняющее различные системы родства в первобытных обществах[125].

Роль взаимности в традиционных индуистских межкастовых поставках и ответных поставках («система джаджмани») подчеркивал ученик Мосса, известный французский индолог и социальный антрополог Л. Дюмон[126]. Его соотечественник, видный социолог и социальный антрополог Ж. Баландые на африканском материале разрабатывал темы соперничества в престиже и богатстве, занимающие важное место в «Опыте о даре»[127].

На социальных антропологов продолжает оказывать влияние трактовка потлача в «Опыте о даре». Исследователи этого обычая восприняли у Мосса понимание потлача как «тотального» явления, пронизывающего всю социальную организацию, ее структуру и функционирование. По Моссу, потлач, с одной стороны, поддерживает внутригрупповую и межгрупповую интеграцию, с другой — нередко вызывает соперничество и даже вражду. Потлач в его интерпретации можно обнаружить далеко за пределами северо-запада Америки, в частности в Меланезии и даже в Индии. Эти идеи Мосса находят прямое продолжение в исследованиях американских антропологов А. Росмана и П. Рабел[128].

Можно утверждать, что любая работа в области этнологии и социальной антропологии (сравнительной социологии), касающаяся проблематики обмена, так или иначе отталкивается от «Опыта о даре» даже в том случае, если какие-то его положения оспариваются.

Что касается социологических теорий обмена, то здесь влияние идей Мосса осуществлялось либо непосредственно, либо через социальную антропологию. Помимо последней социологические теории испытали на себе воздействие экономической науки и бихевиористской психологии[129].

Следует подчеркнуть, что влияние «Опыта о даре» прослеживается как в утилитаристских вариантах социологической теории обмена, основанных на экономической трактовке социального поведения и бихевиоризме Б. Скиннера, так и на других вариантах,

подчеркивающих соционормативные, институциональные и моральные факторы обмена. Причина отчасти кроется в том, что у Мосса в подходе к обмену присутствовали обе тенденции: и утилитаристская (поскольку дар в его интерпретации — акт отнюдь не бескорыстный, но требующий ответного дара), и соционормативная. Тем не менее последняя тенденция в работе Мосса, безусловно, доминировала.

Первая тенденция в наиболее чистом виде была развита в работах американского социолога Д. Хоманса[130], вторая — в уже упоминавшихся трудах Леви-Стросса[131]. Сочетание обеих тенденций с некоторым преобладанием утилитаристской интерпретации можно обнаружить в работах американских социологов А. Гоулднера и П. Блау.

В полном согласии с идеями Мосса Гоулднер рассматривает обмен в форме дара как «стартовый механизм» социальных отношений[132]. Вслед за Моссом Гоулднер подчеркивает, что главная обязанность — возмещение полученного дара. Эту обязанность он обозначает как «норму взаимности». В целом Гоулднер, подобно своему французскому предшественнику, стремится сочетать положения структурнофункционального анализа социальных явлений с их трактовкой как продукта социального обмена[133].

В дальнейшем теории социального обмена в социологии стали восприниматься как альтернатива структурному функционализму.

П. Блау выступает против чрезмерно широкого истолкования социального обмена (присущего Хомансу) и отождествления его с социальным поведением в целом. Он рассматривает социальный обмен как «ограниченный действиями, которые зависят от вознаграждающих реакций других и которые исчезают, когда эти ожидаемые реакции не возникают»[134]. В ряде пунктов подход Блау весьма близок к тому, который осуществлен в «Опыте о даре». Так, фундаментальная черта социального обмена, с его точки зрения, состоит в том, что «...индивид, оказывающий вознаграждающие услуги другому, обязывает его. Чтобы освободиться от этого обязательства, последний должен снабдить первого какими-то благами взамен»[135]. Кроме того, Блау вслед за Моссом подчеркивает такую характерную черту обмена в форме дара, как внешне декларируемые бескорыстие и щедрость, и этим прежде всего, с его точки зрения, социальный обмен отличается от экономического. В социальном обмене ожидаемый возврат связан с неопределенными, точно не установленными, будущими обязанностями, и характер ответного блага не оговаривается заранее, а оставляется на усмотрение того, кто его предоставляет[136].

Определенное влияние идей Мосса прослеживается и в анализе так называемых поддерживающих взаимообменов в повседневной жизни, проводившемся американским социологом И. Гофманом[137].

Наряду с Б. Малиновским Мосс явился одним из предшественников современной экономической антропологии[138]. Близость к идеям «Опыта о даре» прослеживается в обоих направлениях экономической антропологии, полемизирующих между собой: и в «формализме» (М. Херсковиц, Р. Фёрс и др.), и в «субстантивизме» (К. Полани, Д. Дальтон, П. Боханнан и др.). Это относится прежде всего к особому значению, которое оба направления приписывают обмену: «Производство (добывание, выращивание, изготовление), если оно не

связано с обменом, для антропологов-экономистов вообще не экономика. В этом формализм и субстантивизм едины»[139]. Существующие же между ними расхождения в конечном счете «сводятся к отрицанию первыми и признанию вторыми роли внерыночных факторов в сфере распределения»[140]. Именно поэтому влияние Мосса сказалось все же главным образом в субстантивистском направлении, начало которому было положено в трудах К. Полани[141].

В противовес формалистам субстантивисты подчеркивают, во-первых, глубокую специфику экономики в первобытных и архаических обществах, ее отличие от капиталистической рыночной экономики; во-вторых, теснейшую связь, слияние в этих обществах экономических и внеэкономических (религиозных, магических, родственных и т. д.) институтов. Это наиболее важные и дорогие для Мосса идеи, на которых в известном смысле базируется вся его концепция обмена в форме дара.

Еще одну развернутую интерпретацию обмена в рамках субстантивизма осуществил М. Салинз, отчасти следуя за Моссом, отчасти же пересматривая его утверждения[142]. Салинз утверждает, что обязанность давать существует между кровными родственниками, но обязанность брать и особенно возмещать гораздо менее определена, и компенсация не обязательна («обобщенная взаимность»). Согласно Салинзу, обмен между посторонними часто носит недоброжелательный характер, что выражается в придириках, кражах и т. д., поэтому обмен является несбалансированным («негативная взаимность»). Наконец, между теми, чьи отношения являются промежуточными между родственными и враждебными, имеет место «сбалансированная взаимность». В определенный момент времени обмен может быть несбалансированным, но в больших временных интервалах он носит сбалансированный характер.

В экономической антропологии имеют место попытки синтеза теории товаров, развитой в классической политической экономии, прежде всего у К. Маркса, и теории даров, развитой, в частности, Моссом. На материале исследований, проведенных среди обитателей Папуа — Новой Гвинеи, такую попытку предпринял английский ученый К. Грегори[143].

На африканском материале, не затронутом в «Опыте о даре», место даров в обмене исследовалось во французской экономической антропологии Клодом Мейассу[144].

Разумеется, нельзя считать, что все положения «Опыта о даре» впоследствии целиком принимались исследователями. Ряд утверждений и выводов Мосса подвергались и подвергаются критике, причем и теми учеными, которые в целом разделяют его позиции. Так, Леви-Стросс, разделяя основополагающие принципы своего предшественника, в то же время подчеркивает два основных изъяна в его анализе дарения: во-первых, встречающееся местами отождествление объяснения этнолога с объяснением аборигена, во-вторых, несмотря на провозглашаемую ориентацию на целое, элементаристский подход к дару, расчлененному на отдельные акты (давать, брать, возмещать), вместо анализа системы обмена в целом[145].

Другим объектом критики явилось истолкование Моссом некоторых этнографических данных. Так, исследователи подчеркивали, в частности, неадекватность его интерпретации

понятия хау и объяснение дара на основе этого понятия[146].

Базируясь на этнографическом количественном анализе обменов в одном из эскимосских поселений, Ф. Прайор и Н. Граберн пришли к выводу, что представление о строгой взаимности в актах обмена, вытекающее из работы Мосса, не подтверждается. Подводя итог своему исследованию, авторы приходят к следующему общему выводу: «Понятие взаимности в определенной мере обладает мифическими свойствами и для западных социальных ученых, и для аборигенов. Хотя мифы представляют собой важные социальные сущности и как таковые заслуживают изучения, это не означает, что мы как исследователи должны в них верить»[147].

Французские марксисты критиковали Мосса за трактовку обмена как явления самодовлеющего, за рассмотрение его вне связи с процессом производства обмениваемых благ[148].

Вообще производство для Мосса — категория не экономическая, а сугубо технологическая. Экономика и техника в его истолковании — сферы автономные по отношению друг к другу: необходимо проводить различие «между экономикой, искусством управлять трудом и его продуктами, и искусством их производить»[149]. Причем во взаимоотношениях экономической и технологической сфер он склонен отводить решающую роль именно последней[150].

Вера в факты и скептическое отношение к конструированию теоретических схем в исследовательской работе французского ученого имели двойственное, противоречивое значение. С одной стороны, они порождали серьезные изъяны в отборе, описании, систематизации, объяснении фактов. Ведь все эти процедуры неизбежно осуществляются только на основе явной или подразумеваемой теории, и пренебрежение ею существенно влияет на результаты работы с фактами. Оно вызывает хаос в обработке фактов, лишает исследователя ориентиров в их систематизации и в поиске новых фактов. Эти изъяны видны и в исследованиях Мосса, в частности в «Опыте о даре». Само истолкование определенных явлений (социальных институтов, событий, людей и т. д.) как фактов, их выделение и отделение от «не-фактов» представляют собой результат осознанного или неосознанного теоретизирования. Ведь факты для познающего субъекта — не очевидные, «сами собой разумеющиеся» данные, которые остается лишь «взять» и «собрать» (а у Мосса проглядывает именно такой подход): это продукт определенного теоретического осмысления реальности. Наконец, одна из важнейших функций науки — объяснение — также не дана в фактах как таковых: связь фактов объясняемых с фактами объясняющими опять-таки осуществляется в соответствии с явными или имплицитными теоретическими установками.

«Антитеоретический» и «фактологический» пафос работ Мосса нередко оборачивается тем, что теоретическим сознанием для него становится аборигенное сознание. Пример тому — выведение обмена в форме дара из понятия маори хау. Как и в исследовании магии, основание которой Мосс видит в категории мана, осознание явления в архаическом обществе принимается за его объяснение. Эта сторона творчества Мосса — стремление понять социальную жизнь аборигенов «изнутри», говорить их собственным языком — имеет

несомненные преимущества перед теми концепциями, в которых содержатся попытки понять архаические общества, исходя из современных европейских представлений и категорий. Но обнаружить и описать туземные представления недостаточно: необходимо вслед за тем выявить глубинную реальность, лежащую в их основе, а это возможно только на основе хорошо проработанной теории. В противном случае, как это произошло у Мосса, в качестве теории могут выступать представления аборигенов, субъект исследования отождествляет себя с его объектом, и в результате объясняемое так или иначе выдается за объяснение.

Но и в науке недостатки бывают продолжением достоинств. «Неконцептуальность» Мосса, отсутствие у него склонности к теоретической систематизации приводили к тому, что в своих работах он не следовал никакой догматически предустановленной теоретической схеме, в том числе своей собственной, не был ее пленником, не манипулировал фактами в угоду заранее принятой теоретической конструкции. Как справедливо отмечает Б. Г. Юдин, «развитие науки совсем не обязательно представлять как последовательную смену теорий. Нередко бывает более целесообразно трактовать его как динамику возникновения и разрешения логически так или иначе связанных друг с другом и следующих друг за другом проблем. По крайней мере, это позволяет видеть в каждой конкретной точке развития знания целый спектр возможных направлений дальнейшего развития»[151].

Главное для Мосса — не конструирование теории, а разработка научной проблемы или, по его собственному выражению, «темы», причем «тему» он понимает в смысле, близком тому, который используется в музыке[152]. Любопытно, что именно в процессе свободной, не скованной предзаданной теоретической позицией, зачастую неорганизованной и сумбурной разработки определенной «темы» и ее вариаций Мосс нередко делает интересные теоретические находки и выводы. Поэтому есть все основания считать «Опыт о даре» работой теоретической.

Многие из разрабатываемых в «Опыте» «тем» и сегодня могут найти продолжение и развитие, и даже известные факты, будучи рассмотрены под предложенным автором углом зрения, предстанут в новом, иногда неожиданном свете. Даже в современном обществе обмен, по видимости выступающий как товарный, в действительности иногда скрывает в себе обмен дарами. В рамки общей концепции взаимности и обмена хорошо вписываются широко известные в этнографии обычаи взаимопомощи[153], несомненно, сохраняющие свое социальное значение и в наши дни.

Или возьмем, например, такое социальное явление, или социальное зло, как взятка. Подобно архаическому дару, внешне она нередко выступает как бескорыстный, щедрый, великодушно преподносимый дар. В действительности же этот дар предполагает обязательную компенсацию в виде ответного «дара». Таким образом, мы и здесь имеем дело с «социальным лицемерием и обманом», о которых писал Мосс. За показным бескорыстием скрываются обмен, утилитарный расчет и стремление к выгоде, вступающие в конфликт с правовыми нормами и общественными интересами. То же самое относится к многочисленным обычаям гостеприимства, подобным потлачу, с которыми приходится сталкиваться и сегодня. К ним относятся и роскошные свадьбы, устраиваемые с расчетом на не менее роскошные подарки, и соперничество в показном расточительстве с целью

достижения и демонстрации определенной формы престижа и т. д. Традиционные и современные элементы в поведении такого рода причудливо переплетаются, и их изучение имеет не только научное, но и социальнопрактическое значение.

При жизни Мосса ценили главным образом как талантливую и эрудированную преподавателя. Что же касается его научных исследований, то они не получили сколько-нибудь широкого признания современников. Как это нередко бывает в истории науки, признание научного наследия пришло значительно позднее его создания. Сегодня, спустя десятилетия после смерти ученого, рассматривая его творчество с точки зрения вклада в науку о человеке, мы лучше современников можем оценить подлинное значение его трудов, многие из которых стали классическими.

Настоящее издание делает труды Мосса фактом не только французской, но и российской науки. Можно надеяться, что оно послужит вкладом в развитие российско-французских научных и культурных контактов, т. е. в тот самый взаимный обмен, которому французский ученый придавал столь большое значение.

Издание трудов Мосса, так же как и их восприятие, связано с определенными трудностями, отчасти вытекающими из особенностей его научного творчества, о которых шла речь выше: колоссальной эрудиции, фрагментарного и «устного» характера его работ.

Трудности издания и чтения трудов Мосса усугубляются огромным множеством небрежно оформленных ссылок на разнообразные источники. Даже в последних французских изданиях нередко встречаются ошибки и опечатки. Эти трудности, однако, ничтожны в сравнении с тем наслаждением, которое доставляет чтение трудов выдающегося французского ученого, чтение, помогающее нам осмыслить и почувствовать богатство, разнообразие и единство человеческой культуры.

Настоящее издание включает в себя произведения Мосса, получившие широкую известность и достаточно характерные для его стиля мышления и научной работы. Труды расположены в хронологическом порядке, с тем чтобы наглядно представить общую картину развития научных идей автора.

1996

Версия #2

Зверобой создал 26 апреля 2026 01:44:06

Зверобой обновил 26 апреля 2026 01:46:39